

Наталья КОВАЛЬЧУК

George O. Liber, *Total Wars and the Making of Modern Ukraine, 1914–1954* (Toronto: University of Toronto Press, 2016). 453 pp., ill. Index. ISBN: 978-1-4426-2708-6.

Книга профессора университета Алабамы в Бирмингеме Джорджа Либера обобщает темы и сюжеты, ранее рассматривавшиеся автором в отдельных публикациях, посвященных главным событиям новейшей истории Украины.¹ Как и многие другие исследователи Восточной Европы, Либер интересуется регионом не только в академическом смысле: он не раз участвовал в миссиях Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (OSCE) в качестве наблюдателя на украинских выборах, комментировал исторические и последние политические события для радио и телевидения. Поэтому с точки зрения современности можно рассматривать и основное содержание рецензируемой книги, темой которой является процесс формирования современной Украины в первой половине XX в. Автор рассматривает драматические события XX века как элементы большого (в книге – “тотального”)

конфликта, который не только привел к гибели и перемещению миллионов человек, но и, как говорится в аннотации, “сформировал новые политические и экономические системы, сконструировал новые идентичности”. По мнению Д. Либера, именно войны, волны террора, геноцид и миграции первой половины XX столетия выступили катализатором превращения массы “украиноязычного населения” империй в носителей украинской идентичности.

Структура книги такова: вступительная часть описывает ситуацию в регионах с украинским населением (автор использует термин “Ukrainian speaking provinces”) накануне Первой мировой войны. События следующих пятидесяти лет разделены на периоды, каждый из которых представлен как некий завершённый эпизод глобального процесса. Части книги носят соответствующие названия: “Первая тотальная война и ее потрясения”, “Вторая тотальная война: социальная инженерия”, “Третья тотальная война и ее последствия”.

В качестве первого этапа тотального конфликта рассматривается Первая мировая война, которая “интернационализовала, милитаризовала, радикализиро-

вала” (Р. 53) национальный вопрос внутри империй Центральной и Восточной Европы, подтолкнув, таким образом, процесс трансформации этнических коллективов в национальные. По мнению автора, имперские правительства неосознанно подрывали единство своих государств, когда наказывали, объявляли подозрительными или принудительно перемещали целые группы собственных граждан. Последующий большевистский переворот, кроме социальных и политических изменений, инициировал также и национальные революции в регионах.

Автор отталкивается от схемы Мирослава Гроха,² утверждая, что украинское движение в России в 1917–1918 гг. вынужденно и преждевременно перешло от фазы массового культурного к фазе массового политического движения, с целью сформировать “воображаемое сообщество” из людей, у которых были общие язык и культура, но разный исторический и религиозный опыт, а также опыт русификации. Чтобы удержать власть в таких условиях, национальной интеллигенции нужен был дар убеждения и монополия на насилие. Именно неспособность установить такую монополию, по мнению автора,

стала одной из причин неудачи украинской революции. Кроме того, ее лидеры недооценивали социальную составляющую революционного движения, ведь украиноязычные крестьяне, как и украиноязычные солдаты, были в первую очередь заинтересованы в решении земельного вопроса, чем и воспользовались политические конкуренты.

Дж. Либер поддерживает тезис об особой роли, которую, независимо от собственных намерений, сыграли большевики в становлении украинского политического самосознания, а также утверждает, что наследие украинской революции не было полностью утрачено, несмотря на официальную политику советской власти. Так, Украинская Советская Социалистическая Республика была провозглашена в границах УНР, а основание автономной коммунистической партии опиралось на наследие украинских революционных правительств. Последующая политика большевиков усилила украинскую идентичность (наряду с другими) в границах Советского Союза. Суверенный статус, в котором Украина подписала союзный договор, был очень быстро нивелирован, однако именно в советский период,

¹ George O. Liber. *Soviet Nationality Policy, Urban Growth, and Identity Change in the Ukrainian SSR, 1923–1934*. Cambridge, 1992; Idem. *Alexander Dovzhenko: A Life in Soviet Film*. London, 2002.

² Miroslav Hroch. *Social Preconditions of National Revival in Europe: A Comparative Analysis of the Social Composition of Patriotic Groups among the Smaller European Nations*. New York, 1985.

под влиянием беспрецедентных потрясений, Украина эволюционировала от неопределенного географического объекта до (советского) украинского государства, которое занимало центральную позицию в Европе.

В книге один раз упоминается имя Терри Мартина, но очевидно, что аргументация Дж. Либера и автора “Империи положительной дискриминации” имеют много общего.³ Оба автора считают, что Советский Союз последовательно поддерживал национальные идентичности этнических групп и создавал институциональные формы, в которых они могли сохраняться и развиваться. Такая политика формировала поколение национальных элит, поддерживала функционирование языка и культуры.

Дж. Либер уделяет относительно меньше внимания тем территориям, которые не вошли в состав советской Украины, однако подчеркивает, что статус восточной Галиции, ее государственная принадлежность были одной из наиболее конфликтных тем в межвоенной Европе. 31 миллион украинцев стал самой большой группой, которая не смогла реализовать право на национальное самоопределение, и одной из самых ярких иллюстра-

ций выборочного применения победителями принципов Вудро Вильсона.

На последующих страницах автор сравнивает условия, в которых оказалось украинское меньшинство в Польше, Чехословакии и Румынии в 1918–1939 гг. Из названных стран только Чехословакия не практиковала ассимиляционные меры. В то же время, Польша и Румыния были национализирующими государствами, которые не продолжили австрийскую либеральную политику в отношении украинского меньшинства в сфере образования и администрации, а напротив – использовали насильственные методы дисциплинирования нелояльного населения. Такая политика, в свою очередь, спровоцировала сопротивление украинцев, особенно в Польше, где они составляли 15% населения, а в длительной перспективе подняла уровень национального самосознания на небывалую высоту. Ситуация польско-украинского конфликта разивалась в направлении взаимной ненависти и привела в конце концов к вспышкам насилия в преддверии и во время Второй мировой войны.

Вторая часть книги (“Вторая тотальная война”) исследует механизмы так называемой “социальной инженерии” в годы Советской

власти, предшествующие Второй мировой войне, включая индустриализацию, коллективизацию и национальную политику.

Политика принудительной коренизации (в случае УССР – украинизации) в начальный период советской власти была непоследовательной и спровоцировала ряд конфликтов. Несмотря на это, как считает автор, благодаря украинизации произошла “радикальная культурная и национальная трансформация городов”, сформировалась новая украинская идентичность, в том числе в форме национал-коммунизма. Если первая мировая война, революции, гражданские войны подняли уровень национального самосознания украинцев, то большевистская политика периода украинизации продолжила этот процесс. Согласно переписи 1926 г., 80.1% населения УРСР назвали себя украинцами, в то время как русскими – 9.2%, а евреями – 5.4% (Р. 125). Однако в дальнейшем советское правительство отказалось от поддержки украинского языка и частично уничтожило, частично трансформировало новые элиты. Ситуацию усугубляло то, что значительная часть большевиков (особенно руководящий состав) были русскими. Украинский язык, как язык крестьян в советских респу-

бликах, изначально уступал русскому – языку пролетариата. Статус русского языка как медиатора высокой культуры, в противовес “провинциальному” украинскому, окончательно закрепился до конца правления Сталина.

Дж. Либер очень основательно подходит к анализу таких катастрофических явлений советского времени, как массовый голод и репрессии против отдельных категорий граждан в 1920-х и 30-х годах. При этом автор подчеркивает отличия между разными эпизодами массовой гибели людей от истощения, в том числе на уровне терминологии, используя в разных ситуациях “Famine” и “Holodomor” (Рр. 5, 152).⁴ Так, голод 1928–1929 гг. на территории Украины он рассматривает как результат нерационального централизованного хозяйственного планирования и желания увеличить объем экспортируемого зерна любой ценой (Р. 141). Вследствие снижения цен на зерно на международных рынках, большевистское правительство санкционировало насильственные реквизиции с целью побороть дефицит продовольствия в городах и обеспечить нужные объемы продаж на внешнем рынке. Однако, по мнению автора, в отличие от событий 1932–1933 гг., правитель-

³ Terry Martin. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. Ithaca, 2001.

⁴ Украинский термин “Голодомор”, который буквально означает “убийство голодом”, подчеркивает искусственный характер явления.

ство не имело целью организовать голод и помогало нуждающимся.

Относительно же событий 1932–1933 гг. Дж. Либер подчеркивает организованный характер голода и последовательно использует термин “геноцид” (Р. 193), аргументируя это тем, что голод стал результатом политического решения, а не экономической политики.⁵ Защищая тезис о геноциде, Дж. Либер обращает внимание не только на демографические, но и на политические и психологические последствия голода для украинского общества. В длительной перспективе комбинированное влияние коллективизации, Голодомора и борьбы с украинским национализмом имело, как подчеркивает автор, глубочайший травмирующий эффект на весь общественный организм (Р. 194).

По мнению автора, через дисциплинирование голодом Сталин решил проблему сопротивления коллективизации сельского хозяйства и наконец подчинил центральной власти руководство

КП(б)У. Если в 1930 г. было зафиксировано около миллиона случаев индивидуального сопротивления в Украине (С. 149), то после 1933 г. такие случаи сошли на нет. Репрессии сопровождались русской советской индоктринацией, утратой украинской идентичности. Характеристика этих событий укладывается в общую авторскую схему “войны”, на этот раз – “Total war against the peasants” (Р. 158).

Другой важной дискуссионной проблемой является число жертв Голодомора. Либер заочно принимает участие в дискуссии, в которой звучат оценки от 2 до 11 миллионов жертв. Автор оценивает демографические потери цифрой в пределах 4–5 млн., или 19% от общего числа сельского населения (Р. 159). Таким образом, он поддерживает точку зрения тех ученых (например, О. Воловины и О. Рудницкого), которые учитывали в своих подсчетах и прямые потери, и демографический дефицит, порожденный резким падением рождаемости.⁶

⁵ Дискуссия о Голодоморе как геноциде имеет длинную историю и породила многочисленную литературу. Юридическое определение называет геноцидом акт “имеющий целью уничтожить полностью или частично национальную, этническую, расовую или религиозную группу”. Таким образом, ответ на вопрос о характере событий 1932–1933 гг. зависит от доказательств существования прямого умысла уничтожить украинцев как национальную группу со стороны советского руководства.

⁶ Oleg Wolowyna. The Famine-Genocide of 1932–33: Estimation of losses and demographic impact // В. Klid and A.J. Motyl (Eds.). The Holodomor Reader. Edmonton and Toronto, 2012. Pp. 59–64.

Третья часть книги концентрируется на событиях Второй мировой войны, которую Дж. Либер называет “третьей тотальной”, и ее последствиях для Украины. По мнению автора, опыт страданий и смерти, порожденный этой войной, был более травматичным, чем Первая мировая и даже Голодомор (Р. 249). В описании Либера события того времени выглядят как война “всех против всех”.

Имея дело с наиболее драматичными событиями украинского XX века, автор вынужден формулировать отношение к ряду дискуссионных проблем, характерных для того или иного периода. Одна из самых острых и политически актуальных тем – причины и характер этнических чисток на Волыни и в восточной Галичине 1943–1944 гг. Позиция автора в большинстве случаев является сбалансированной и компромиссной, аргументы строятся на солидной доказательной базе. Так, говоря о количестве жертв, автор сопоставляет данные самых разных польских, украинских и западных исследований, часто цитирует авторов с противоположными позициями. Соответствующая библиографическая сноска содержит имена Г. Мотыки, Е. Семашко, Дж. П. Химки, И. Патрыляка и многих других (Р. 237). Вывод Дж. Либера состоит в том,

что “эта польско-украинская война представляла собой широкий и свирепый этнонациональный конфликт, попытку и со стороны ОУН УПА, и со стороны Армии Крайовой вытеснить противостоящую национальную группу, причем обе стороны совершали преступления против мирного населения” (Р. 237).

Самым важным в долгосрочной перспективе следствием Второй мировой войны было объединение этнических территорий и передача Крыма в 1954 г., а значит – формирование территории Украины в ее сегодняшних легальных границах. Одновременно на идеологическом уровне состоялась инкорпорация украинской темы в общий советский героический нарратив. Создание мифа Великой отечественной войны, развитие украинского советского патриотизма имело место параллельно с демонизацией любых проявлений украинского национализма (Р. 250).

Доказательная база исследования впечатляет. Работа имеет синтетический характер: автор опирается на многочисленные исследования украинских и западных ученых и сборники опубликованных документов. Научный аппарат, состоящий из отличного тематического указателя и обширной библиографии, составляет треть книги (160 страниц). В то же время, критических замеча-

ний заслуживает странная форма транслитерации славянских имен, которые использует автор (например, Volodimer the Great) (Р. 8), а также передача географических названий методом двойного перевода (через русский): Kharkov, Kiev, Odessa, Dniepropetrovsk, но при этом Vinnytsia, Chernihiv и даже иногда Kharkiv.

Концептуальный подход, использованный в книге, как и тезис о том, что катастрофические события XX века – Голодомор, Холокост и мировые войны – имели решающее влияние на формирование современной Украины, в целом не является новым. Тематика книги и аргументация Дж. Либера, в первую очередь, вызывают ассоциации с относительно недавними публикациями Тимоти Снайдера, например, бестселлером “Кровавые земли” и более ранней “Реконструкцией наций”.⁷ Не удивительно, что автор рецензии на книгу “Тотальные войны” на портале Амазон описывает книгу как “A landmark study of the terrifying scope and paradoxical consequences of mass violence in Europe’s *bloodlands*” (курсив мой. – Н.К.).

Еще раньше похожий подход применил Андреа Грациози в книге “Война и революция в Европе, 1905–1956”. Это издание нельзя сравнить по популярности с книгами Снайдера и даже с другими работами самого Грациози, например, книгой “Большая советская крестьянская война: большевики и крестьяне”,⁸ однако сама идея книги очевидно схожа. Характерной особенностью научного подхода Грациози также является рассмотрение ключевых исторических конфликтов как эпизодов большого процесса, другими словами, “войны”. В терминологии Грациози решающим является конструкт “война – революция”, который, по мнению автора, функционирует как двуединое понятие, незаменимое для описания сложных явлений XX века.

Либера и Грациози объединяет и внимание к проблемам национализма. Оба интерпретируют нацию как сообщество, сформированное на этнической (языковой) основе. Для Грациози и Либера Восточная Европа – это этнически разнородное (смешанное) пространство, в котором национальная и социально-экономическая сфера пересека-

ются, поэтому попытки построить национальное государство всегда сопровождаются кровавыми конфликтами и перемещениями больших групп населения. Либер, как и Снайдер, обращает особое внимание на процесс исчезновения исторических мультикультурных регионов и на образование этнически однородных обществ и национальных государств в процессе “насильственной модернизации”. Снайдера интересует все пространство восточноевропейского пограничья, тогда как Либер концентрирует внимание на формировании современной Украины. Вытеснение, истребление, перемещение целых категорий населения Снайдер называет одной из “главных тенденций социальной и политической истории Европы XX века”. К современной Украине это наблюдение относится в полной мере, что и подтверждает рецензируемая книга.

Таким образом, “Тотальные войны...” относится к ряду работ, которые позволяют рассмотреть новейшую историю Украины в более широком контексте глобальных изменений первой половины XX века. Это обстоятельство, а также богатый материал и добросовестный научный подход позволяют прогнозировать появление книги в списках обязательного чтения для студентов и исследователей Восточной Европы.

Stefan WIEDERKEHR

Sergey Glebov, *From Empire to Eurasia: Politics, Scholarship, and Ideology in Russian Eurasianism, 1920s–1930s* (DeKalb: Northern Illinois University Press, 2017). 237 pp. Bibliography. Index. ISBN: 978-0-87580-750-8.

Sergey Glebov offers the reader a brilliant account of one of the most fascinating intellectual movements in the Russian emigration. The Eurasian thinkers were young exiles who, at the beginning of the 1920s, argued that the former Russian Empire constituted a third continent – “Eurasia” – between Europe and Asia and that Western institutions such as parliamentary democracy and capitalism were inadequate for this continent. Glebov analyzes Eurasianism based on more archival sources than anyone before and persuasively places the thinking of the Eurasianists in the struggles of modernity in late imperial Russia and Europe. He argues that Eurasianism was an “imperial phenomenon” not only in the sense of an ideology of restoring the empire but “the product of the imperial situation, of the unevenness and heterogeneity of the social and cultural space of imperial Russia, in which the conspicuous absence of bourgeois institutions coexisted with the rising critique of the philistine bourgeois order by

⁷ Timothy D. Snyder. *Bloodlands: Europe between Hitler and Stalin*. New York, 2010; Idem. *The Reconstruction of Nations: Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999*. New Haven, 2003.

⁸ А. Граціозі. *Війна і революція в Європі, 1905–1956 рр.* Київ, 2005; Idem. *Листи з Харкова. Голод в Україні та на Північному Кавказі в повідомленнях італійських дипломатів. 1932–1933 роки.* Харків, 2007.